НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 9 по 12 октября 2004 г. в г. Казани, в Казанском государственном университете, проходила Первая Российская конференция по когнитивной науке. Когнитивная наука – это междисциплинарное направление, объединяющее лингвистов, психологов, философов, специалистов в области искусственного интеллекта, антропологов, нейрофизиологов – всех, кто так или иначе занимается исследованием мыслительной деятельности человека и механизмов, обеспечивающих работу мысли. Когнитивная наука на Западе уже давно является одним из самых мощных направлений как фундаментальных, так и прикладных исследований. Истоки когнитивной науки – в философии, экспериментальной психологии, разработках в сфере искусственного интеллекта. В числе предшественников когнитивной науки такие крупные ученые, как Л. Виттгенштейн, В.М. Бехтерев, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Ж. Пиаже, Дж. Миллер, Н. Хомский, М. Минский, Н. Винер. Можно считать, что окончательно как отдельная научная дисциплина когнитивная наука оформилась в середине 1970-х годов: в Америке образовалась особая организация – Cognitive Science Society (Общество Когнитивной Науки), и началось издание журнала *Cognitive Science* – официального печатного органа Общества. Цель Общества – объединить усилия исследователей, работающих над изучением человеческого интеллекта. Сейчас когнитивная наука входит в число специализаций более чем шестидесяти ведущих университетов Европы и Северной Америки.

Когнитивная наука в значительной степени была и остается междисциплинарным направлением, отличающимся большим разнообразием методов: психология экспериментально изучает мыслительные операции человека, специалисты в области искусственного интеллекта строят компьютерные модели ментальных операций и репрезентаций, благодаря экспериментам нейрофизиологов многое стало

известно о том, какие зоны мозга отвечают за те или иные мыслительные действия и процессы, антропологи исследуют связь интеллектуальных операций с культурной средой, лингвистика обратилась к отражению структур мысли в языковых построениях. Однако в рамках когнитивной науки все эти разносторонние исследования призваны дать ответы на общие вопросы, связанные с работой человеческого мозга: Какова природа мыслительных операций и репрезентаций? Что здесь врожденное, а что – приобретенное? Как соотносятся результаты исследований мыслительной деятельности, полученные в разных областях? Соответственно, самые интересные для когнитивной науки результаты также будут иметь пограничную, междисциплинарную природу: например, это философские концепции, подтверждаемые данными экспериментальной психологии, или компьютерные модели, построенные на основе нейрофизиологических экспериментов.

В то время, как когнитивная наука на Западе уже имеет свою, пусть и не очень долгую, историю, в России когнитивная наука только зарождается. И поэтому о конференции по когнитивной науке в Казани можно в полном смысле этого слова говорить как о конференции исторической: с этого момента когнитивная наука в России также обретает свою историю. Целью конференции было создание совместного форума для представителей разных наук, исследующих познание и его эволюцию, интеллект, мышление, восприятие, сознание, представление и приобретение знаний, язык как средство познания и коммуникации, мозговые механизмы познания, эмоций и сложных форм поведения. В конференции участвовали психологи, лингвисты, нейрофизиологи, специалисты по искусственному интеллекту, нейронформатике и компьютерной науке, философы, антропологи и другие ученые, интересующиеся междисциплинарными вопросами в области когнитивных исследований. Не случайно, что конференция проводилась именно в

Казани: Казанский университет – один из старейших в России (в ноябре 2004 г. отмечалось двухсотлетие со дня основания университета). Кроме того, этот университет имеет давние традиции междисциплинарных и новаторских научных исследований: достаточно вспомнить неевклидову геометрию Н.И. Лобачевского, первую в России лабораторию экспериментальной психологии В.М. Бехтерева, казанскую лингвистическую школу И.А. Бодуэна де Куртенэ. Наконец, Казань – это родной город А.Р. Лурия. Председателем Программного комитета конференции был доктор психологических наук, проф. Б.М. Величковский (Дрезденский университет и Федеральный центр патологии речи и нейрореабилитации, Москва); заместители председателя – доктор филологических наук А.А. Кибрик (Институт языкознания РАН и МГУ, Москва) и доктор биологических и филологических наук, проф. Т.В. Черниговская (СПбГУ, Санкт-Петербург). Председателем Оргкомитета конференции был доктор физико-математических наук, проф. В.Д. Соловьев (КГУ, Казань); заместитель председателя – доктор психологических наук А.Н. Гусев (МГУ, Москва). Для участия в конференции были приглашены крупнейшие российские и зарубежные специалисты различных направлений, составляющих когнитивную науку: это К.В. Анохин (НИИ нормальной физиологии РАН, Москва, нейробиология), С.В. Кодзасов (МГУ, Москва, лингвистика), М. Познер (Университет Орегона, Юджин, нейропсихология), Х. Риттер (Университет Билефельда, нейроринформатика и роботика), М. Томаселло (Ин-т эволюционной антропологии им. М. Планка, Лейпциг, психология, антропология), У. Чейф (Университет Калифорнии в Санта-Барбаре, лингвистика). Среди организаций, поддерживающих проведение конференции, были Казанский государственный университет, Академия наук Республики Татарстан, Институт языкознания Российской Академии наук, Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет СПбГУ, Московский городской психолого-педагогический университет, Институт психологии Российской Академии образования, Федеральный центр патологии речи и нейрореабилитации, Общество когнитивной науки, Международная ассоциация когнитивной лингвистики, Славистическая ассоциация когнитивной лингвистики, Российская ассоциация искусственного интеллекта, Российское психологическое общество, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов.

Конференция состояла из пленарных и секционных заседаний; кроме того, каждый день имело место одно вечернее заседание. Пленар-

ные заседания состояли из лекций, на каждую из которых выделялся один час; такой же была длительность лекций на вечерних заседаниях. На пленарных и вечерних заседаниях с лекциями выступали крупные ученые, специально приглашенные организаторами для участия в конференции. Кроме того, некоторые из приглашенных участников выступали с докладами и на секционных заседаниях (длительность одного секционного доклада – 30 минут).

Вводная лекция. Конференция была открыта вводной лекцией профессора Б.М. Вел и ч к о в с к о г о (Москва) на тему “Когнитивная наука вчера, сегодня, завтра”. Будучи крупнейшим специалистом в области когнитивной науки, в своем выступлении он попытался дать обзор основных тенденций и стадий развития когнитивных исследований в течение последних десятилетий. Эта задачу нельзя назвать простой по той причине, что когнитивная наука предполагает, в первую очередь, междисциплинарность и использование самых разнообразных методов исследования, а значит обобщить что-либо в этой области достаточно проблематично, однако докладчик блестяще справился с поставленной задачей.

В развитии когнитивной науки Величковский выделил две парадигмы. Первая из них связана с компьютерной метафорой, предполагающей “жесткое разделение ментального софтвера и физиологического хардвера”. К этой парадигме докладчик среди прочих теорий отнес и “картезианскую лингвистику” Хомского. Вторую же парадигму можно назвать нейрокогнитивной. По мнению Величковского, поддержанная новыми физическими методами нейровизуализации, эта парадигма доминирует сегодня в исследованиях познания. Своими корнями она восходит к исследованиям А.Р. Лурия.

Основной упор в своем докладе Величковский все же делал не столько на философских основаниях для этой междисциплинарной области исследования, сколько на перспективах ее использования для решения прикладных проблем. В докладе широко обсуждались проблемы, связанные с созданием разнообразных “когнитивных технических систем”. Под такими системами Величковский понимает любые системы, учитывающие знания, намерения и функциональные состояния пользователя. Докладчиком была приведена масса примеров воплощенных в жизнь и реально работающих систем, в основе работы которых лежат, прежде всего, когнитивные исследования и обобщения. В создании большинства из приведенных в качестве примеров систем докладчик лично принимал участие, а над многими и сейчас продолжает работать. Одна из таких систем, к примеру, помогает водителю автомобиля сле-

доть за дорожной обстановкой и своевременно на нее реагировать. При этом “когнитивность” системы заключается в том, что она приходит в активное состояние (в котором она фактически может сама управлять автомобилем) только тогда, когда глаза водителя не направлены на опасные объекты на дороге. Это обеспечивается микрокамерой, направленной на зрачки водителя и анализирующей направление его взгляда. При этом такая камера далеко не единственный датчик, оценивающий состояние и реакции водителя.

Этот пример конкретной прикладной системы напрямую связан с исследованиями в области внимания, которые также были подробно описаны в докладе. По результатам одного из таких исследований, в каждый момент времени в фокусе внимания человека, читающего печатный текст, находится очень маленький фрагмент, соответствующий по объему даже не одному слову, а только части слова. Остальная информация (текст), имеющаяся “вокруг” этого фрагмента, распределена по так называемым зонам внимания, каждая из которых характеризуется разной степенью доступности для читателя. Выясняется, что при чтении человек даже не различает цвет крайних частей текста, находящихся в отдаленных от фокуса зонах внимания.

Благодаря широте взгляда Величковского на современную когнитивную науку, его доклад помог “сплотить” и объединить в достаточной степени разнородную аудиторию конференции. Именно после вводной лекции у участников конференции могло сложиться впечатление, что они действительно работают в очень близких областях и даже в какой-то степени делают общее дело. Следует иметь в виду, что до этой лекции такое впечатление у многих могло отсутствовать.

Лекции приглашенных докладчиков. Каждая приглашенная лекция имела собственное посвящение. Так, например, лекция Х. Риттера (Билефельд) была посвящена Н.И. Лобачевскому, и это не случайно, так как автор в своей работе оперировал с понятием пространства. Тема данной лекции звучала следующим образом: “Гиперболические самоорганизующиеся карты: сравнение структур данных с вниманием человека”. Как утверждалось в докладе, человеческое внимание может соотносить предметы из реального мира с объектами из “концептуальных окрестностей”, что значительно усложняет понятие ментального пространства по сравнению с привычным для нас евклидовым пространством. Автор рассказал о так называемых гиперболических самоорганизующихся картах, в которых проблема таких соотношений решена с помощью введения спе-

циальных функций от расстояния, которые (с уменьшением расстояния) экспоненциально увеличивают важность “концептуальных окрестностей”. При этом описанная модель применяется к текстам, и в результате ее работы текстам сопоставляются их гиперболические карты, которые, по словам автора, являются точными, хорошо структурированными и удобными для визуализации представлениями текстовых документов.

Лекция (посвящ. А.Р. Лурья) классика когнитивной психологии и нейронауки М.И. Познера (в соавторстве с М.К. Ротбартом) (Юджин) “Развитие нейронной сети, связанной с вниманием и саморегуляцией” была посвящена обзору новейших исследований в области нейронных сетей, которые стали возможны благодаря вычислению генома человека и прогрессу в области нейровизуализации. Эти достижения, по словам авторов, заставили по-новому оценить значение “сетей внимания” для поведения человека. М.И. Познер надеется, что эти новые методы, а также попытка авторов объединить их окажутся полезными для когнитивных исследований во всех областях.

Лекция (посвящ. В.М. Бехтереву) К.В. Антона и А. (Москва) «“Ген языка” и “корсаковская мышь”: что мы можем узнать о когнитивных функциях от трансгенных животных?» была посвящена проблемам, лежащим на границе между психологией и биологией (молекулярной генетикой). В лекции обсуждались вопросы связи между генами и когнитивными функциями человека и животных, и было приведено два конкретных примера.

В первом речь шла о гене FoxP2. Было доказано, что мутация этого гена вызывает нарушение развития речи у детей, что и послужило основанием для некоторых авторов окрестить его “геном грамматики” или “геном языка”. Однако, как указал докладчик, целый ряд факторов противоречит мнению о прямой связи между функционированием этого гена и развитием языковых способностей человека. Во-первых, было показано, что этот ген участвует в развитии структур мозга не только у людей, но и у приматов, и даже у крыс и мышей. Кроме того, и у человека действие этого гена было выявлено не только в “языковых областях” мозга, но и в областях, не связанных с языковыми способностями.

Другой ген, свойства которого описывались докладчиком, был ген FoxB1. Мутация этого гена у мышей приводит к повреждению тех же структур мозга, что и у человека при синдроме Корсакова, который характеризуется глубокими нарушениями памяти. Автор описал проведенные им эксперименты, которые показали, что и у мышей, в которых ген FoxB2 “не рабо-

тает”, наблюдается выраженная амнезия, которая затрагивает отдельные формы памяти. Однако и в этом случае нельзя говорить о прямом и одно-однозначном соотношении между функционированием этого гена и специфическими когнитивными функциями, так как животные с мутацией этого гена имеют и другие расстройства поведения, помимо нарушений памяти.

В конце выступления автор сделал вывод о необходимости замены теории, предполагающей существование одно-однозначной связи между отдельными генами и отдельными когнитивными функциями, новой, более адекватно отражающей всю сложность функционирования генов в развитии многофункциональных структур мозга.

С.В. К о д з а с о в (Москва) выступил с лекцией (посвящ. М.М. Бахтину) на тему “Логико-коммуникативные функции интонации”, в которой он рассказал о своих исследованиях семантики различных интонационных средств, а именно их роли в маркировании различных логико-коммуникативных категорий. При этом, говоря об ограниченности объекта традиционных исследований интонации, где во главу угла ставились функции тональных акцентов (восходящий, нисходящий), С.В. Кодзасов указал на важную роль, которую играют иные просодические средства: громкостные акценты, тембровые изменения, удлинение/сокращение акцентированных гласных и др.

Автор проиллюстрировал функции, которые могут выполнять эти средства, конкретными примерами из русского языка. Так, докладчик показал, что новая информация маркируется громкостным акцентом, при этом, если блок новой информации содержит более одного слова, существует две стратегии акцентирования. Либо акцент падает на одно слово из группы, либо акцентируются все полнозначные слова. Выбор конкретной стратегии определяется степенью “клишированности”, стандартности для определенного момента той ситуации, которая представлена блоком новой информации.

Другое средство, выполняющие логико-коммуникативные функции в русском языке, – это размещение тонального акцента внутри слога. Например, при положительном ответе нисходящий тон помещается на гласный, если ответ зависит от воли говорящего, на согласный – если выбор положительного ответа вынужден ситуацией. Если же выбор ответа вообще не зависит от говорящего, тон распределяется на оба компонента слога. Кроме того, размещение тона внутри слога играет роль при перечислениях, маркируя открытость перечисляемого списка или же полное покрытие множества.

Многие просодические средства играют роль в маркировании уровня информационной важности высказываний. Докладчик ввел понятие “фокализации” (мобилизации внимания говорящего), которая происходит в случае, когда высказывание содержит какую-либо неожиданную для локуторов информацию. Так, для фокализации компонентов дискурса, указывающих на объекты дейктического окружения, используется просодическое средство повышения общей громкости соответствующего компонента. Контрастная же фокализация маркируется тембровым изменением ударного гласного, которое производится за счет жеста импульсного понижения гортани.

Наоборот, низкий инфравокальный уровень, который имеют тривиальные для собеседников высказывания, а также высказывания, важность которых снижается говорящим, обозначается особым типом редукции гласных соответствующего компонента дискурса. Наконец, еще один пример функционирования просодических средств в русском языке – это пространственная символика количественной просодии. Удлинение акцентированной гласной указывает на пространственную протяженность или удаленность, а сокращение – наоборот, на пространственную близость или краткость.

Свою лекцию (посвящ. И.А. Бодуэну де Куртене) “Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в изучении разума” крупный американский лингвист У. Ч е й ф (Санта-Барбара) начал с утверждения неразрывной связи и взаимовлияния языка и мышления. Затем докладчик перешел к исторической справке и рассказал о развитии психологии в период с девятнадцатого века по сегодняшний день и о том, как формировалась методология этой науки. Кроме того, Чейф описал развитие лингвистики за тот же период, которое во второй половине двадцатого века привело к раздробленности этой науки на множество школ, исповедующих различные подходы и методологии. При этом докладчик указал на потенциальные преимущества, которые могут быть извлечены из взаимодействия различных подходов.

Далее автор обратился к проблеме исследования человеческого мышления, указывая на эффективность различных подходов: эксперимента, наблюдения и интроспекции. Автор предложил гипотезу, согласно которой человеческое мышление включает три основных компонента: “внутренний язык”, образное мышление и переживание эмоций. В первую очередь, по мнению автора, это подтверждается данными интроспекции, однако на важную роль, которую все эти три компонента играют в человеческом мышлении, указывают мно-

гие данные, полученные в рамках лингвистики и психологии как в результате эксперимента, так и в процессе наблюдения. Затем, обратившись к феномену языка, автор показал, как в результате действия множества различных когнитивных процессов мысли преобразуются в семантические структуры. Синтаксические же структуры, по мнению автора, – это семантические структуры, “деформированные” в процессе развития языка. В этой связи автор доклада продемонстрировал важность двух диахронических процессов в языке: лексикализации и грамматикализации. Таким образом, с точки зрения Чейфа, синтаксис не следует рассматривать как нечто абсолютно обособленное. Синтаксис определяется семантикой и диахроническими процессами, протекающими в языке. В своем выступлении автор коснулся также явлений, связанных с временной природой языка и мышления, а также проблемы выделения различных состояний человеческого сознания.

Доклады приглашенных участников. Свой доклад на тему “Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры” А.Е. Кибрик (Москва), один из ведущих представителей функционального и когнитивного подхода к языку в отечественной лингвистике, начал с обсуждения проблем соотношения языка и мышления и говорил о неразрывности этих явлений. По мнению докладчика, язык следует рассматривать как инструмент, обслуживающий когнитивную деятельность человека. Затем А.Е. Кибрик обратился к рассмотрению методов современной когнитивной лингвистики, основывающейся на постулате о когнитивной мотивированности языковых форм и стремящейся на основании внешних фактов языка реконструировать стоящие за ними когнитивные структуры. Это соотношение языковых и когнитивных структур не является, разумеется, тривиальным изоморфизмом, однако не является оно и совокупностью случайных соотношений. За ним стоит определенная “семиотическая логика”. Когнитивная лингвистика знает два основных метода обнаружения этой логики: внутриязыковая реконструкция, основанная на изучении отношений между формами одного языка, и типологическая реконструкция, основанная на сравнении сопоставимых фактов многих языков.

Далее докладчик перешел к иллюстрации методов лингвистической реконструкции когнитивной структуры. В качестве примеров были приведены факты двух неродственных языков: цахурского и бенгальского. В цахурском языке аспектуальные свойства глаголов могут выражаться редупликацией глагольного корня. При этом, однако, для одних глаголов про-

стой корень обозначает совершенный вид, а редулицированный – несовершенный. Для других же глаголов это соотношение обратно. А.Е. Кибрик объясняет эту странную на первый взгляд ситуацию совмещения в одном языковом средстве (в данном случае редуликации) противоположных значений важным когнитивным обобщением: человек стремится маркировать “ненормальное положение дел в мире” в противоположность “нормальному”, которое обозначается наиболее экономным средством. Таким образом, в цахурском языке редупликация указывает на маркированное для данной глагольной лексемы значение параметра вида, при этом для одних маркированным является совершенный вид, а для других – несовершенный.

Другим примером проявления этой закономерности в языке является падежная система некоторых индийских языков. Докладчик привел ряд предложений из бенгальского языка, в котором субъекты и объекты при переходном глаголе могут маркироваться одним из трех падежей: номинативом, объективом и локативом. При этом, как показал Кибрик, выбор конкретного падежа зависит от того, является ли функция субъекта или объекта для данного участника ситуации “когнитивно маркированной”. Так, функция субъекта когнитивно не маркирована для одушевленных участников, в то время как функция объекта – для неодушевленных. Таким образом, было продемонстрировано, как особенности грамматической системы естественных языков отражают особенности когнитивной деятельности человека.

Доклад Т.В. Черниговской (Санкт-Петербург) “Язык, сознание, мозг: зеркальные отражения?” был посвящен вопросу об отделенности языковой способности человека от остальных когнитивных функций и возможности отражения структуры мозга в структуре языка. Черниговская приводила различные примеры подходов, по-разному связывающих языковую способность человека с устройством человеческого мозга. Также приводились примеры экспериментальных исследований, посвященных изучению языковой способности, которые, по мнению докладчика, не всегда учитывают все факторы, влияющие которых на результат очевидно. Черниговская приходит к выводу о необходимости преодоления пропасти между традиционными антропологическими науками и философией, с одной стороны, и современными технически точными фактами нейронаук, с другой. По ее мнению, это преодоление является необходимым условием какого-либо процесса в данной области.

Сходная тематика была затронута в докладе О.П. Кузнецова (Москва) (доклад напи-

сан в соавторстве с А.В. Марковским) “Голографические подходы к обработке образной информации: нейросетевые и цифровые модели”. В нем авторы также задаются вопросом моделирования умственной деятельности человека. Информационные процессы, происходящие в человеческом мозге, сравниваются ими с аналогичными процессами в компьютере. В докладе предложены две модели, основанные на так называемой “голографической гипотезе”, объясняющей механизмы работы мозга с образами.

Доклад О.В. Митиной (Москва) “Математические методы в психосемантике” также близок по тематике вышеупомянутым, так как он посвящен формализации картины мира и различных аспектов сознания или менталитета как отдельной личности, так и общества в целом. Митина перечисляет несколько конкретных математических методов описания разных областей психосемантики, говорит об их достоинствах и недостатках, а также рассуждает о тенденциях развития математического аппарата, применяемого в этой области. В заключении доклада автор замечает, что, в отличие от естественных наук, математическое моделирование в гуманитарной области не достаточно развито для того, чтобы предсказывать поведение такой сложной системы, как человеческое общество. Причину этого Митина видит в том, что в этой системе слишком велико количество “степеней свободы”, и к тому же ее элементы обладают такой не формализуемой способностью, как “свобода воли”.

С докладом на тему “Полиметодические нейрофизиологические исследования когнитивных процессов человека” выступил С.В. Медведев (Санкт-Петербург) в соавторстве с Н.П. Бехтеревой. Доклад был посвящен психофизиологии творчества, которая, по мнению авторов, еще только зарождается как отдельное направление когнитивных исследований.

Пленарная секция. В этой секции Е.В. Рахлиной (Москва) был прочитан доклад на тему “Категориальная структура и грамматика конструкций: контейнеры”. Он был посвящен исследованию структуры одной из “топологических категорий”, а именно категории “контейнеров”. Точнее, автор ставит под вопрос существование единой структуры у данной категории, такой, что ее представители одинаково вели бы себя в различных языковых условиях.

Автор отталкивается от исследований, выполненных в рамках когнитивной семантики. В этих работах преобладает мнение, что понятийная категория такого типа, как категория “контейнеров”, должна обладать структурой, состоящей из центра, куда попадают прототи-

пические представители категории, и периферии, которая охватывает непрототипических представителей. Именно нахождение в центре категории или на периферии определяет лингвистическое поведение того или иного представителя категории. Однако на примере категории “контейнеров” докладчик показала, что ситуация может быть и иной. Так, оказывается, что допустимость того или иного слова со значением контейнера в определенных языковых контекстах определяется не структурой понятийной категории, а собственной семантикой той или иной языковой конструкции.

Такая ситуация хорошо вписывается в теорию Грамматики конструкций, разрабатываемой рядом лингвистов, в том числе Ч. Филдмором и А. Голдберг.

И.В. Ближниковой (Москва) был прочитан доклад на тему “Когнитивные карты в деятельности человека”. В нем были проанализированы результаты многолетних исследований “когнитивных карт” – ментальных представлений человека о пространственной организации окружающей среды. Автора особо интересовали ошибки и искажения в полученных в ходе эксперимента когнитивных картах. Описав несколько экспериментов, в которых испытуемым предлагалось, например, оценивать расстояние между знакомыми ему зданиями, а также отвечать на многие другие вопросы исследователя, автор изложил выводы, которые заключались в том, что когнитивные карты отражают не только параметры пространства, но и характеристики деятельности, в рамках которой они формируются, а также отношение человека к этому пространству.

Близкую тематику затрагивал доклад, прочитанный Ю.И. Александровым (Москва), на тему “Единая концепция сознания и эмоций: экспериментальная и теоретическая разработка”. В нем также шла речь о тех представлениях об окружающем мире, которые могут складываться у человека. Однако здесь автор обращался не к представлениям о пространстве, а к представлениям о поведении человека, к сознанию и эмоциям. В ходе доклада автор выдвинул концепцию, которая помогает по-новому посмотреть на сознание и эмоции и лучше понять, как они соотносятся.

Работа, положенная в основу доклада Е.В. Бобровой (в соавторстве с А.Г. Бобровым; Санкт-Петербург) на тему “Нейрофизиологические механизмы целенаправленных движений и труды В.Я. Проппа”, появилась, как утверждает автор, вследствие “недоумения нейрофизиолога”: почему существует некая устойчивая структура сюжета волшебной сказки, о которой писал В.Я. Пропп, и не лежат ли в ее основе какие-либо морфо-функциональ-

ные свойства мозга человека. Авторами была выдвинута возможность наличия аналогии между движением от реального мира к волшебному, описываемым в сказках, и основным поведенческим актом, присущим любому живому существу, – актом двигательного достижения цели. Авторы считают, что, порождая и рассказывая сказки, человек лишь вновь и вновь облекает в слова наиболее древний, глубинный архетип.

“Адаптивное поведение” – направление исследований, о котором шла речь в докладе В.Г. Р е д ь к о (Москва) “Модели адаптивного поведения – задел исследований когнитивной эволюции”. Это направление имеет своей целью исследование принципов функционирования, позволяющих аниматам (модельным организмам) приспосабливаться к переменной внешней среде. В ходе доклада автор представил оригинальные компьютерные модели, призванные моделировать эволюционное происхождение целенаправленного адаптивного поведения.

М.А. Х о л о д н о й (Москва) был прочитан доклад “Когнитивные и метакогнитивные предпосылки интеллектуальной компетентности” (в соавторстве с И.С. К о с т р и к и н о й). Авторы в своей работе затрагивают проблему интеллектуальной компетентности человека, под которой они понимают интеллектуальные ресурсы человека, обеспечивающие высокий уровень достижений в условиях его реальной жизнедеятельности. Исследования авторов показали, что можно говорить о существовании определенного симптомокомплекса нелинейно связанных интеллектуальных свойств, которые благоприятствуют реальным интеллектуальным достижениям. Среди таких свойств можно выделить: высокий уровень развития понятийных и числовых способностей, а также сформированность мобильного, рефлексивно-гибкого стилей переработки информации.

“Синаптическая пластичность как основа когнитивной функции нервной системы” – так звучит тема доклада А.Л. З е ф и р о в а (Казань), в котором автор подробно описывает процессы так называемой синаптической активности, происходящие в нервной системе. По мнению автора, именно эти процессы лежат в основе когнитивных функций нервной системы – обучения и памяти.

Е.В. М н а ц а к а н я н (Россия) в своем докладе “Опознавание и сравнение объектов: анализ источников вызванной зрительной активности мозга человека” (доклад написан в соавторстве с И.-М. Т а р к к а) рассказала об экспериментах, в которых исследовались процессы опознавания и сравнения, при этом в качестве стимулов использовались как абстракт-

ные объекты, так и человеческие лица (знакомые испытуемым).

Секция “Сознание и обработка информации”. В этой секции, как и в других тематических секциях, были подобраны доклады с близкими темами, что по достоинству оценено аудиторией, которая из нескольких докладов могла составить для себя единую и достаточно широкую картину того, что происходит сегодня в данной области когнитивных исследований.

Сразу несколько докладов было посвящено процессам запоминания и обучения. Так, например, доклад В.М. А л л а х в е р д о в а (Санкт-Петербург) “Роль сознания в процессах заучивания и научения” был посвящен следующей проблематике. По мнению автора, в памяти человека хранится гораздо больше информации, чем он способен воспроизвести. В чем в таком случае состоит деятельность по сознательному заучиванию уже хранимой в памяти информации, спрашивает автор. Гипотеза Аллахвердова, призванная ответить на этот вопрос, состоит в том, что человеческий организм идеально приспособлен для познания, однако сознание не отражает, а – на основе накопленной организмом информации и в соответствии с некоторыми законами – конструирует гипотезы об окружающем мире, проверяя свои построения на опыте. Именно в этом, по мнению автора, состоит процесс обучения.

Несколько другие подходы к процессам обучения и запоминания были продемонстрированы в докладе Т. К ё л е р а (Потсдам) “Усвоение знаний и новые разработки в области технологий коммуникации: вызов классическим теориям обучения”.

Также в этой секции были представлены доклады: Н.П. Б е х т е р е в о й и С.Г. Д а н ь к о (Санкт-Петербург) “Когнитивно-специфические функциональные состояния мозга по данным количественной электроэнцефалографии”; В.Б. Д о р о х о в а (Москва) «Концепция “presence” и нарушения деятельности при засыпании»; А.Е. В о й с к у н с к о г о, О.В. М и т и н о й и А.А. А в е т и с о в о й (Москва) “Опыт потока в ходе опосредствованных Интернетом групповых ролевых игр”.

Секция “Восприятие, внимание и распознавание образов”. А.Н. Г у с е в и И.С. У т о ч к и н (Москва) в своей работе “Парадигма унилатерального предъявления в психофизических задачах: возможности и ограничения ресурсного подхода” исследовали правомерность трактовки внимания как ограниченного количества ресурсов, которые распределяются организмом по разным задачам. Исследователей интересовало, прежде всего, ко всем ли типам предлагаемых испытуемым задач приме-

нима данная метафора, имеющая в психологии богатые традиции. Результаты исследований оказались таковы: ресурсный подход работает при анализе задач, решение которых зависит от активации субъекта, а также при анализе задач умеренной сложности; исследование же процесса решения очень сложных задач требует обращения к иным понятиям и моделям, чем “когнитивные ресурсы”.

В других докладах этой секции также обсуждались интересные проблемы, связанные с вниманием и распознаванием образов. Среди этих докладов: Х. Риттер “Искусственное внимание как основа для когнитивных роботов”; Дж. Гросси (Нью-Йорк) “Экспериментально-психологическое и электрофизиологическое исследование семантического прайминга с маскировкой”; М.В. Фаликман и Е.В. Печенкова (Москва) “Стратегическая регуляция решения перцептивной задачи как класс нисходящих влияний на процесс построения перцептивного образа”.

Секция “Семантика и категоризация”. Доклады этой секции были посвящены различным подходам к семантическому представлению текстов и к когнитивной категоризации. Так, доклад С.А. Жаботинской (Черкассы) “Геометрия смысла: концептуальные модели языка и фрактальные формы” представляет собой попытку ответить на вопрос, как структурирована информационная система мышления, стоящая за языковыми знаками. Автор начинает с того, что рассказывает о современных школах когнитивной лингвистики и об их подходах к понятию фрейма (паттерна). Далее С.А. Жаботинская предлагает пять основных фреймов, выделенных ею с использованием работ, представляющих разные семантические школы. Среди них: предметный фрейм, акциональный фрейм, possessивный фрейм, таксономический фрейм и компаративный фрейм. Автор утверждает, что в ряде случаев базисные фреймы подобны фракталам. Свойство фрактальных форм заключается в том, что их характерные конфигурации, или паттерны, многократно повторяются на нисходящих уровнях так, что части на любом уровне по форме напоминают целое. С.А. Жаботинская делает попытку показать, что свойствами фрактала обладают предметный фрейм, а также комплексный паттерн, состоящий из предметного, таксономического и possessивного фреймов. Репрезентация фреймов в технике фракталов позволяет получать представления в виде геометрических форм, которые призваны объяснить, как структурирована система мышления.

Эта секция включала также следующие доклады: Д. Биттнер (Берлин) “Бинарное ре-

шение в абстрагировании и логический алгоритм грамматической категоризации”; А.А. Кулинич (Москва) “Динамическая модель понятийной системы субъекта и ее применение в процессах принятия решений”; В.Д. Соловьев (Казань) “К когнитивной классификации эмоций”; А.О. Прохоров (Казань) “Семантические пространства психических состояний”.

Секция “Развитие и обучение”. В этой секции среди прочих был представлен доклад В.В. Казаковской (Санкт-Петербург) “Когнитивное развитие и семантическая типология вопросо-ответных единств: данные речевого онтогенеза (на материале русского языка)”. Тематика доклада затрагивала проблему “когнитивного онтогенеза” – анализа путей, по которым интеллектуальные способности и знания о мире изменяются по мере развития ребенка. Эти вопросы давно стали основным объектом изысканий в области психологии речи и когнитивной психологии. В докладе были представлены результаты коррелятивного анализа семантической типологии вопросо-ответных единств “взрослый – ребенок”. Автору удалось показать, что основные тенденции в развитии семантической типологии вопросо-ответных единств соотносятся с направлениями развития интеллекта ребенка. Другой интересный результат, полученный в ходе исследования, заключается в том, что автор связывает функционирование модусных вопросов и модусных маркеров в диалогических репликах с развитием “нового поля” интеллекта ребенка раннего возраста (“области внутреннего”), которое характерно ростом инвариантности детских представлений о действительности.

Близким проблемам был посвящен доклад Е.А. Сергиенко, Е.И. Лебедевой, А.С. Герасимовой и О.А. Прусаковой (Москва) “Развитие модели психического у детей дошкольного и младшего школьного возраста”. В этой работе авторы тоже анализируют процесс становления у детей различных психических возможностей. А именно, авторы имеют дело с так называемой “моделью психического” (“The Theory of Mind”) – способностью, которая дает возможность человеку понимать убеждения, желания, намерения других людей, прогнозировать их поведение. Приводя результаты экспериментов, авторы показали, что принципиальное изменение ментальных представлений о психическом происходит в возрасте 6–7 лет. Особое внимание исследователи уделили становлению в детской психике такого важного элемента психического, как обман. Результаты показали, что понимание обмана начинается в возрасте 5 лет, и только в возрасте 11 лет можно говорить о дифферен-

цированном, успешно обнаруживаемом обмане. Авторами также были выделены различные виды обмана, понимание которых закрепляется у детей в разном возрасте. Если младшие дети называют обманом любой вид неверного информирования (альтруистический, эгоистический, ненамеренный, невербализованный), то с возрастом зона обмана сужается, и к концу периода становления обмана у детей появляются адекватные стратегии обнаружения обмана в области намерений.

Также в этой секции были заслушаны доклады М.М. Б е з р у к и х (Москва) “К вопросу о функциональной асимметрии мозга и использовании данных нейрофизиологии в педагогике”; Р.И. М а ч и н с к о й, О.А. С е м е н о в о й и Е.В. К р у п с к о й (Москва) “Мозговая организация произвольной регуляции деятельности и избирательного внимания у детей с трудностями обучения”; В.А. М а л ю ш е н к о в о й (Санкт-Петербург) “Морфологические процедуры у изучающих иностранный язык: экспериментальные данные”.

Секция “Представление знаний и память”. Эта секция была посвящена одной из основных проблем современной когнитивной науки – представлению знаний. Выступление М.Б. Б е р г е л ь с о н (Москва) на тему “Моделирование культурно обусловленной коммуникативной компетентности с помощью когнитивных категорий: анализ повседневных рассказов и представление знаний” касалось эксперимента, в котором собирались и анализировались устные рассказы на тему “Опасный случай в моей жизни” (рассказы не были спонтанными, а были получены путем интервьюирования). Среди результатов, полученных автором, можно выделить следующие: наиболее частые стратегии рассказчиков связаны с подчеркиванием идеи случайности и внезапности наступления ситуации, а также ее благополучного исхода, с отстраненностью сознания и рефлексивным выходом из мира нарратива в кульминационный момент. Автор также отмечает, что устанавливаются соответствия между изменениями темпа речи, повторами, лексическими и интонационными изменениями, с одной стороны, и отдельными частями культурной схемы и нарративной схемы рассказа – с другой.

Несколько иные проблемы обсуждались в докладе А.К. К р ы л о в а (Москва) “Неадекватность представления знаний как рефлексов в когнитивной модели мобильного робота”, который представлял собой попытку соединить в одной модели интеллектуальный алгоритм, основанный на нейрональных данных, с моделью мотивационной сферы. Таким образом, автором была сделана попытка проведе-

ния исследований на стыке теории нейронных сетей, когнитивной науки и искусственного интеллекта, инженерии мобильных роботов и психологии.

Также в этой секции был заслушан доклад В.В. Н у р к о в о й и О.В. М и т и н о й (Москва) на тему «Действительно ли мы помним о юности больше, чем о других периодах жизни? К вопросу об универсальности эффекта “пика” в автобиографической памяти».

Секция “Мышление и интеллект”. Работа головного мозга и каждого из его полушарий по отдельности – проблема, давно ставшая одним из важных направлений развития современной нейрофизиологии и ряда смежных с ней дисциплин. Именно эту проблематику затрагивал доклад Т.А. Г а в р и л о в о й, Т.В. Ч е р н и г о в с к о й и А.В. В о и н о в а (Санкт-Петербург) на тему “Некоторые аспекты исследования индивидуальных когнитивных профилей”. Авторы провели обширное исследование, в котором изучались сенсорно-моторные доминантности испытуемых (какое из полушарий испытуемого отвечает за сенсорно-моторную активность каждого из органов), а также их когнитивные стили (к какому стилю мышления близок испытуемый – к левостороннему или правостороннему). Задачей авторов был анализ соотношения полушарий испытуемого, участвующих в сенсорно-моторной активности разных органов, и полушария, отвечающего за когнитивный стиль. Результаты показали, что испытуемых можно разбить на несколько групп, в которых наблюдаются разные соотношения полушарий. Главный же вывод, который сделали исследователи, следующий: среди людей с левополушарными сенсорно-моторными доминантностями больше половины предпочитают преимущественно правополушарный когнитивный стиль. Авторы отмечают, что это еще одно из категориальных делений, свидетельствующих о том, что человечество не гомогенно.

Помимо интеллекта отдельного индивидуума в этой секции обсуждался и так называемый социальный интеллект. Этому понятию был посвящен доклад Д.В. У ш а к о в а (Москва) на тему “Является ли социальный интеллект интеллектом?”, в котором автор утверждал, что давно сложившееся в психологии понятие социального интеллекта ускользает, однако, от интерпретации в рамках общей теории интеллекта. Задачей автора было интегрировать это понятие в общую теорию, для чего ему пришлось внести в нее некоторые коррективы. Помимо других интересных обобщений, автор привел следующее: средовые условия формирования социального интеллекта во многом обусловлены коммуникативными осо-

бенностями людей. Именно эта характеристика социального интеллекта является причиной его невысоких корреляций с другими видами интеллекта.

Проблемам мышления и интеллекта были также посвящены доклады: Е.Е. В а с ю к о в о й (Москва) “Вербализованные операциональные смыслы в структуре принятия решения в сложных ситуациях”; С.В. Щ е р б а к о в а (Уфа) “Нормативные языковые игры и интеллект”; В.Д. М е н д е л е в и ч а (Казань) “Прогностические способности человека и риск развития психической патологии”.

Секция “Функционирование языка”. В этой секции подробно обсуждались проблемы, связанные с функционированием языка в привязке к другим психофизическим процессам и видам деятельности человека. В докладе А.А. З а л е в с к о й (Тверь) “Интегративный подход к языку как средству познания и общения” была поставлена проблема, заключающаяся в том, что ученые разных областей давно признали, что язык необходимо трактовать как одну из составляющих сложного ансамбля психических процессов, включенного в социальное взаимодействие индивида, однако инструменты для такой трактовки до сих пор не найдены – до сих пор не разработана методология нового – интегративного – подхода к языку. Автор отмечает, что отсутствие такого инструментария проявляется, например, в неопределенности и расплывчатости терминологии, используемой в публикациях, так или иначе связанных с когнитивными исследованиями. К тому же, как отмечает автор, необходимо определить набор определенных исследовательских процедур и их сочетаний, которые позволили бы описывать не поддающиеся прямому наблюдению процессы. Автор видит выход из сложившейся ситуации в постоянном соотношении формулируемых гипотез и постулатов с новейшими данными относительно взаимосвязи и взаимодействия реальных структур, механизмов, процессов и продуктов функционирования индивида, включенного в социально-культурные и межкультурные взаимоотношения.

Интересной и популярной в последнее время тематике был посвящен доклад А.А. К о т о в а (Великобритания) “Механизмы речевого воздействия и перспективы их описания в когнитивной модели”. Автор сделал попытку формального и претендующего на лингвистическую точность описания механизмов речевого воздействия, использующихся в современном дискурсе СМИ. Одно из нетривиальных наблюдений автора состояло в том, что он выделил среди прочих следующее средство воздействия: использование омонимии (далекой

полисемии) с целью заставить адресата отождествить два смысла (выраженных омонимично). Это средство автор проиллюстрировал примером из передачи С. Доренко: *Каждый человек за каждый кусок хлеба заплатит за репутацию Чубайса как блестящего экономиста.* В данном примере использование омонимии лексемы *заплатит* заставляет адресата отождествить два смысла: ‘мы платим за хлеб’ и ‘мы страдаем из-за/ради Чубайса’. Воздействие на адресата заключается в том, что, будучи выражены одновременно и даже в составе одной лексемы, эти два смысла связываются, и адресат отождествляет их. Интересен при этом тот факт, что приведенное предложение, вообще говоря, не грамматично, так как у лексемы *заплатит* валентность за что заполнена дважды, однако это не мешает автору (предложения) пользоваться этим средством воздействия, и, более того, результат этого воздействия, по-видимому, вполне удовлетворителен (для автора предложения).

Также очень интересную проблематику затрагивал доклад на тему “Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего”, авторами которого были: А.А. К и б р и к, В.И. П о д л е с с к а я, Ю.В. Д а р а г а н, З.В. Е ф и м о в а, Н.А. К о р о т а е в, А.О. Л и т в и н с к о, В.Л. Ц у к а н о в а (Москва). Данный доклад был посвящен проблемам исследования устной речи, а именно проблемам транскрипции устного дискурса. При этом одним из основных вопросов, встающих перед исследователем устной речи, признается вопрос сегментации, разбиения потока речи на отдельные единицы, которые авторы называют элементарными дискурсивными единицами. Это понятие восходит к работам известного американского лингвиста У. Чейфа, присутствовавшего, кстати, на докладе, который предложил гипотезу, согласно которой дискурс разбивается на кванты. При этом каждый квант дискурса содержит тот объем информации, который в данный момент находится в “фокусе сознания” говорящего. Чаще всего разбиение на элементарные дискурсивные единицы совпадает с разбиением на предикации, однако существует целый ряд случаев, когда элементарная дискурсивная единица оказывается больше или меньше предикации. Классификации и когнитивному объяснению таких случаев и была посвящена основная часть доклада.

Доклад был основан на исследовании корпуса устных детских рассказов о сновидениях, и каждый случай несовпадения элементарных дискурсивных единиц с предикацией был подробно проиллюстрирован примерами. Авторы выделяют пять типовых случаев, когда эле-

ментарная дискурсивная единица оказывается по объему меньше предикации. Во-первых, это конструкции с вынесенным топилом, который является отдельной элементарной дискурсивной единицей. Авторы объясняют возникновение подобных конструкций желанием говорящего одновременно активизировать и предикацию, и некоторый новый референт, который и выносится “влево”, в то время как в самой предикации его место занимает местоимение. Во-вторых, существуют случаи, когда говорящий, наоборот, откладывает вербализацию какой-либо составляющей предикации, произнося ее позднее в виде отдельной элементарной дискурсивной единицы. Для этого явления авторы предложили два возможных когнитивных объяснения: либо новой информации просто слишком много для одной элементарной дискурсивной единицы, либо, оформляя предикацию в элементарную дискурсивную единицу, говорящий “забывает” о каком-либо компоненте этой предикации, и ему приходится вербализовать этот компонент отдельно апостериори.

Третий случай – это разрыв элементарной дискурсивной единицы, который возникает, когда говорящий, желая уточнить один из начальных компонентов элементарной дискурсивной единицы, вынужден разорвать ее на две, а внутрь вставить еще одну дискурсивную единицу, несущую эту уточняющую информацию. Четвертому случаю авторы дали название “сильный фальстарт”. Он возникает, когда говорящий, начав вербализацию элементарной дискурсивной единицы, отказывается от ее завершения. По мнению авторов, сильный фальстарт может возникать при двух обстоятельствах: вербализуя элементарную дискурсивную единицу, говорящий решает, что она неуместна в данной точке дискурса (“ошибка планирования”), или же в процессе вербализации говорящий осознают неудачность самого пропозиционального содержания дискурсивной единицы. Так или иначе, это приводит к полному отказу от вербализации данной единицы. И наконец, последний случай, при котором элементарная дискурсивная единица может по объему уступать предикации, – это случай так называемых “регуляторных” элементарных дискурсивных единиц, то есть таких, которые состоят целиком из дискурсивных маркеров.

Рассмотрев эти пять случаев и предложив для них когнитивное обоснование, авторы перешли к ситуациям, при которых элементарные дискурсивные единицы могут, наоборот, превосходить по объему одну предикацию. Такое явление характерно в первую очередь для конструкций с предикатами, которые авторы называют “когнитивно ослабленными” и кото-

рые маркируют модальные, фазовые и пр. характеристики синтаксически зависимой от них предикации.

Другой подобный случай, рассмотренный авторами, был случай так называемого “слабого фальстарта”, при котором, в отличие от сильного фальстарта, говорящий не отказывается от вербализации всей элементарной дискурсивной единицы целиком, а лишь от вербализации какой-то ее части. Иногда это приводит к возникновению в рамках одной дискурсивной единицы нескольких предикатов.

Итак, в данном докладе авторы попытались продемонстрировать, как, опираясь на транскрипцию устной речи, возможно исследовать когнитивные процессы, протекающие в сознании говорящего в момент вербализации. Таким образом, было показано, что исследование устного дискурса – это еще один потенциальный вклад, который может внести лингвистика в общую область исследования когнитивных процессов.

В докладе А.В. Мячикова (Юджин) “Синтаксис как фактор переключения внимания” излагались результаты эксперимента, в рамках которого исследовалось соотношение фокуса внимания и определенных синтаксических структур: в эксперименте автора участвовали носители русского языка, а полученные данные сравнивались с данными, полученными при участии носителей английского языка. Исходная гипотеза состояла в том, что порядок слов (SVO vs. OVS) будет меняться в зависимости от переключения фокуса внимания, так как известно, что в русском языке порядок слов служит для противопоставления элементов высказывания, разных по коммуникативной значимости. Автором был получен интересный вывод: в русском языке определенная синтаксическая структура (SVO, активный залог) доминировала независимо от изменений коммуникативной значимости участников описываемой ситуации, но время от времени у носителей возникал конфликт между навязываемой языком структурой и ходом когнитивных процессов при подготовке и производстве высказывания. Этот вывод очень важен и интересен для выявления и объяснения соответствий между языковыми и когнитивными структурами.

В этой секции был также заслушан доклад Т.В. Ахутиной (Москва) “Л.С. Выготский и А.Р. Лурия как когнитивные психологи: проблема внутренней речи вчера и сегодня”.

Секция “Культура и концептуальные структуры”. В этой секции выступил И.В. Утехин (Санкт-Петербург) с докладом на тему “Детский анекдот – структура и функционирование”. В докладе были приведены результаты

исследования функционирования анекдотов в разных культурных средах, в том числе разных по возрасту рассказчиков и слушателей. Среди многих обобщений, сделанных автором, можно отметить следующее: “детскость” или “взрослость” анекдота определяется не столько тематическим материалом, сколько степенью когнитивной сложности приема, на котором анекдот построен.

Секция “Горизонты когнитивной науки”. В этой секции вниманию аудитории были предложены доклады, чья тематика более отдаленно связана с когнитивной наукой, однако, возможно, сами доклады способствовали изменению такого положения вещей.

Так, например, А.А. К о б л я к о в (Москва) в своем докладе “Смысл музыки как отражение универсального смысла бытия” рассуждал о “понимании” музыки, задавая вопросом, в какой ситуации правомерно говорить, что кто-либо понял смысл данной фуги или не понял его. Для приближения к ответу на этот вопрос автором была предложена концепция в духе когнитивного подхода, в соответствии с которой произведение интерпретируется как процесс постановки проблемы и ее решение. Решение проблемы и является смыслом и целью музыкального процесса. К примеру, проблема, поставленная в хорошо известной фуге Баха си-бемоль мажор, заключается в том, что в ней рассогласованы реальная (модальная) и подразумеваемая (тональная) опоры, что приводит к “аномалиям” – нарушениям грамматики фуги. Однако в дальнейшем Бах переходит к аккорду, в котором, по утверждению автора, разрешается заявленное в теме противоречие за счет того, что происходит переход от интервала-двузвучия к аккорду-трехзвучию.

Доклад А.В. К о р о б е й н и к о в а (Ижевск) “Алгоритмы доисторических фортификаций” показал, что использование когнитивных методов или, по крайней мере, понятий когнитивной науки возможно и в исторических исследованиях. Автор утверждает, что предметом его исследования явилась когнитивная составляющая деятельности древнего фортификатора. А.В. Коробейников вводит в научный оборот понятие уровня защиты городища (как функцию от его высоты и площади) и предлагает методику оценки укрепленных поселений по этому показателю, получая при этом несколько отличные от данных других исследователей результаты, которые, впрочем, представляются довольно правдоподобными.

Также представляли значительный интерес доклады Д.Н. А х а п к и н а (Санкт-Петербург) “Когнитивный дейксис и проблемы анализа художественного текста”; К.А. Н и к о л ь с к о й (Москва) “Психолингвистический опыт изуче-

ния познавательной деятельности животных: закономерности функционирования памяти”; Г.В. Гореловой и Е.Н. Захаровой (Таганрог, Майкоп) “Когнитивное моделирование региональной социально-экономической системы”.

Стеновая секция. На конференции было также представлено некоторое количество стеновых докладов, посвященных разной тематике и использующих разные методики: от лингвистики до медицины и от психологии до математики. Следует отметить, что стеновый формат докладов, с одной стороны, позволял участникам конференции обратить внимание только на те работы, которые их действительно интересовали, но, с другой стороны, интегрировал все представленные работы в единое информационное пространство, в котором все участники познакомились с гораздо большим количеством работ, чем предполагали, о чем, впрочем, никто не пожалел.

В работе Е.Ю. Калининной (Москва) “Финитность в типологической перспективе: константы и переменные” было показано, что финитность (понимаемая как набор некоторых свойств предикации) может рассматриваться как семантическая категория, которая может обеспечить исследователю языка доступ к когнитивным структурам, лежащим в основе процесса коммуникации.

В докладе С. М и н о р а (Москва) “Лексическая семантика и выбор контролера” рассматривались факторы, влияющие на выбор контролера нулевого подлежащего при инфинитиве в конструкциях с глаголом речи (например, в таких конструкциях, как *Иван посоветовал Маше сходить ко врачу*). Для объяснения правил выбора контролера подлежащего при инфинитиве среди актантов главного предиката (рассматривался материал русского, немецкого, французского и марийского языков) автор апеллирует к семантической структуре глаголов речи в разных языках и постулирует наличие особого типа отношений – отношения между актантом главного предиката и ситуацией, обозначаемой предикатом зависимого предложения (инфинитивом). Автор выявил два типа таких отношений: каузальное (Caus) и бенефактивное (Benef). Оказывается, что в русском языке, в отличие, например, от немецкого, при выборе контролера действует иерархия этих отношений, где каузальное отношение выше бенефактивного. Таким образом, показано, как синтаксические структуры определенным образом взаимодействуют с когнитивной организацией представлений о мире – в частности, представлений о взаимодействии участников ситуации. Так, чувствительность русского языка к тому, кто является каузато-

ром ситуации, проявляется еще и в наличии безличных конструкций (*Мне не играет*), где дативный субъект не является каузатором.

О.В. Федорова (Москва) в своей работе “Предикативное согласование по числу в русском языке: анализ речевых ошибок” показала, что причиной преобладания ошибок в предикативном согласовании является перцептивная различимость имени, а не его родовая характеристика. Этот вывод говорит о том, что процесс согласования начинается на функциональном, а не на синтаксическом уровне.

Работа А.В. Богданова (Москва) “Учет фактора адресата при описании пространства: психолингвистическое исследование” представляла собой эксперимент, направленный на исследование влияния присутствия/отсутствия адресата на лингвистические параметры высказываний. Все обнаруженные в ходе исследования зависимости говорят о том, что адресант (говорящий) в присутствии адресата старается производить более понятные (удобные для адресата) высказывания, чем в случае его отсутствия.

Также в секции были представлены следующие работы: Минамицу Й. (Кобе) “Оценка доступа в процессе перекодирования при синхронном переводе”; А.Н. Шестакова (Хельсинки) “Как дети раннего возраста учатся различать звуки чужого языка? (по результатам регистрации негативности рассогласования)”; Ю.А. Бурдукова, Т.А. Строганова, И.Н. Посикера и М.М. Цетлин (Москва) “Особенности развития психических функций у глубоко недоношенных младенцев”; Х.М. Восканова (Москва) “Эффект напоминания неосознаваемыми запаховыми стимулами на извлечение из памяти у человека”; А.Г. Горкин, А. Кузина и Ю.И. Александров (Москва) “Психофизиологические закономерности формирования системной структуры индивидуального опыта в норме и патологии”; С.Э. Давтян (Санкт-Петербург) “Семиотика психотической реальности”; Н.Н. Данилова (Москва) “Гамма ритм как частотно-специфический механизм внимания”; И.И. Митин (Москва) “От когнитивной географии к мифогеографии: интерпретации пространства и места” и другие.

Заключение. Можно обобщить, что когнитивная наука открывает новые перспективы перед лингвистикой. Когнитивная наука – это поле для регулярных контактов между представителями всех тех областей знания, на перекрестке которых она складывается.

Это позволит ученым, работающим в разных сферах, лучше и шире понимать проблематику, связанную с изучением интеллектуальной деятельности человека, и увидеть больше путей для сближения. В частности, для лингвистики это означает расширение горизонтов – постановку новых исследовательских задач и использование знаний о мыслительной деятельности человека, накопленных в других областях. В когнитивной науке безусловно будет востребовано все то, что лингвистике известно о манифестации мыслительных операций в языке и о реконструкции когнитивных структур через структуры языковые. В то же время, лингвистика тоже может делать свои “заказы” когнитивной науке – например, это может быть подтверждение или опровержение лингвистических построений на основании результатов из других сфер изучения интеллектуальной деятельности. Можно ожидать, что когнитивная наука даст мощный импульс развитию смежных лингвистических дисциплин: психолингвистики, нейролингвистики, квантитативной и компьютерной лингвистики, лингвистического направления исследований в области искусственного интеллекта. Однако когнитивная парадигма значима и для теоретического языкознания: ведь часто, когда от лингвистики требуется решение конкретных задач, поставленных в рамках того или иного прикладного или смежного направления, одновременно проверяются “на прочность” теоретические постулаты.

Но главное, что когнитивная наука может дать лингвистике – это объяснительная парадигма. Большинство лингвистических теорий и направлений уже в той или иной степени для объяснения многообразия лингвистических структур и ограничений на возможные языковые конструкции апеллируют к не собственно языковым механизмам – например, это врожденность языкового модуля сознания, принципы оптимального функционирования языка и так далее. Теории и модели когнитивной деятельности – это очень многообещающая основа для объяснений, сообщающих значимость лингвистическим концепциям.

*А.В. Богданов,
Е.Ю. Калинина,
С.А. Минор (Москва)*